

Глава VI

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Айны на войне

В прошлом мирная жизнь айнов часто нарушалась межэтническими и междоусобными войнами (айнск. *туми*). Капитан голландского судна де Фрис, побывавший на Сахалине в 1643 г., отмечал, что у многих туземцев головы были покрыты рубцами и ранами — свидетельствами их участия в больших побоищах.

По словам айнов, с которыми общались этнографы в конце XIX — начале XX в., некогда войны были настолько опустошительными, что поголовно гибло население целых деревень. Так, на Сахалине прекратило существование селение Поропетункотан, в котором обитали около 200 айнов (на его месте русскими был основан пост Муравьевский). В предания вошли памятные обильным кровопролитием сражения при устье Найбучи между тарайкинскими айнами и ороками, с одной стороны, и найбучинскими и мацумайскими айнами — с другой. У Найбучи некогда располагалось множество айнских селений, но ко второй половине XIX в. сохранилось только одно с двумя юртами [Добротворский 1875: 33].

Наряду с крупномасштабными военными конфликтами частыми были мелкие взаимные набеги, которые заканчивались, как правило, лишь несколькими жертвами [Онуки-Тирни 1996, № 3: 113]. Поводом для стычек чаще всего становилась борьба локальных групп за лучшие места обитания или нарушение границ промысловых угодий. Острый недостаток пищи нередко заставлял айнов пренебрегать установленными правилами. Эти и другие причины конфликтов приводили к кровной вражде, когда стороны стремились отомстить за прежние обиды.

Ранние сведения о столкновениях айнов со своими соседями — нивхами — содержатся в китайских хрониках династии Юань (конец XIV — начало XV в.). Нивхи вынуждены были просить помощи у юаньских властей ввиду частых нападений на них айнов.

В 1264 г. войска Юань организовали военный поход, чтобы дать отпор «непрощеным гостям». Столкновения с нивхами, а также с китайскими войсками происходили как на Сахалине, так и на материке. Используя вместительные лодки, айны переправлялись через Татарский пролив и нападали на противника. Предполагается, что сражения случались близ озера Кизи, но подробных сведений об этом нет¹ [Емоги 2008: 53].

Гораздо больше сведений сохранилось о войнах между айнами и японцами на Эдзо (Хоккайдо), подробно зафиксированных японскими летописцами, в частности в хрониках Мацумаэского клана. Это были, как правило, войны айнов за независимость.

Одно из крупнейших восстаний на Эдзо вспыхнуло в 1456 г. Поводом для выступления послужил конфликт между японцем и айном, который пришел в кузницу купить нож. Цена оказалась слишком высокой. Возник спор, переросший в ссору, в результате которой пришедший был убит. Для айнов, давно относившихся к японцам с неприязнью, случайное происшествие стало последней каплей в чаше терпения и вызвало открытую волну недовольства.

Восстание, начавшееся стихийно, постепенно приняло организованную форму. Среди айнов выдвинулся родоплеменной вождь Косямаин, которого поддержало около 4 700 туземцев западной части Эдзо и около 9 250 туземцев восточной части острова. Восточное войско возглавил сам Косямаин, а руководство западным взял на себя один из его сторонников. Вооружившись луками и отравленными стрелами, облачившись в доспехи из деревянных пластин, мятежники атаковали японские крепости [Лим 2008: 161].

Айнам удалось захватить десять из двенадцати японских укреплений на полуострове Осима; выстояли только форты Мобэцу и Ханадзава. В Ханадзава в это время находился влиятельный самурай Такэда Нобухиро (1431–1494) [Арутюнов, Щebenьков 1992: 63; Лим 2008: 161].

¹ В настоящее время в Приамурье и Приморье «черные копатели» часто находят гарды, напоминающие *цуба*, и клинки японских мечей. Хороший пример — два клинка (один с гардой), предположительно XVII в., обнаруженные в погребениях (погребения не атрибутированы). Важно, что на клинках сохранилась гравировка, выполненная в айнском стиле [Пастухов 2013: 193].

Оказавшись на грани полного истребления, японцы избрали Нобухиро главнокомандующим и решили дать генеральное сражение в местечке Нанаэхама. В этой битве айны прибегли к давно испытанной практике — стали осыпать врагов отравленными стрелами. Сначала им удалось значительно продвинуться вперед. Однако японцы, пользуясь тем, что дальность полета айнских стрел была сравнительно небольшой, и держась на более дальнем расстоянии, уничтожали айнских воинов из своих мощных луков. Кроме того, Такэда Нобухиро убил Косямаина и его сына. По крайней мере, это утверждается в хрониках Мацумаэского клана. Надо сказать, что приписывание такого рода подвигов, обеспечивающих победу высокопоставленным персонам, — прием, неоднократно использовавшийся японскими летописцами издревле, и в большинстве случаев это, скорее всего, легенды. Но так или иначе, погибли вождь восстания и его наиболее вероятный преемник. Хотя сопротивление повстанцев еще некоторое время продолжалось, в 1458 г. оно было окончательно подавлено [Лим 2008: 164; Позднеев 1909, т. 2: 92–93].

В 1512 г., когда главой Мацумаэского дома стал наследник Такэда Нобухиро Какидзаки Мицухиро (1456–1518), айны восточных областей подняли крупный мятеж под предводительством братьев Сёя и Кодзи. Они вынудили капитулировать защитников Синоридатэ, Усукэсидатэ (Хакодатэ) и ряда других укреплений. Многие князья покончили жизнь самоубийством. В 1514 г. под ожесточенным натиском туземцев японцы заперлись в последнем опорном пункте — замке Одатэ (Токуяма). Когда же в 1515 г. айны подошли к его стенам и стали готовиться к штурму, Какидзаки Мицухиро предложил им заключить мир. В ходе переговоров он устроил в замке пир, на котором вероломно перебил вождей. В конце концов и этот мятеж был подавлен. Благодаря победе Какидзаки Мицухиро возвысился над другими начальниками укреплений и получил реальную власть в Мацумаэ [Лим 2008: 164; Позднеев 1909, т. 2: 69; Kikuchi 1999: 62].

Крупные восстания произошли при Какидзаки Ёсихиро (1479–1545), третьем представителе рода Такэда. В 1525 и 1529 гг. айны выступили под руководством Танасягаси, а в 1536 г. смуту возглавил его зять Тарикона.

Хотя японцы понесли значительные потери, атаки айнов в 1525 г. удалось отбить довольно быстро. Согласно летописям

Мацумаэ, когда во время очередной вылазки туземцы пытались перелезть через палисад, Какидзаки Ёсихиро лично вступил с ними в бой [Позднеев 1909, т. 2: 70]. Но в 1529 г. победа японцам далась гораздо труднее. Вначале командующие войсками Кудо Сукэканэ и его младший брат Кудо Сукэмуноэ получили приказ встретить мятежников в Сэтанай. От численно превосходивших сил айнов они потерпели поражение, Сукэканэ был убит, а Сукэмуноэ укрылся в замке Ваки (подведомственное укрепление замка Кацуяма) и от имени князя Ёсихиро обратился к айнам с предложением заключить мир. Однако, как только Танасягаси приблизился на расстояние полета стрелы, Какидзаки Ёсихиро со сторожевой башни поразил его выстрелом из лука. После этого японцы перешли в наступление и, загнав айнов в болото Хисиикэ, перебили их [Там же].

В 1536 г. поднял мятеж предводитель западных айнов Тарикона, которого к этому подтолкнула жена из-за мести за смерть тестя. И на этот раз князь Мацумаэ прибег к хитрости: доверчивых айнов, свято чтивших обычаи гостеприимства, заманили в замок на пир и убили [Там же: 71].

Десятилетиями японцы несли крупные потери и убытки от постоянных айнских волнений. В конце концов сын Ёсихиро — Какидзаки Суэхиро (1507–1595) — перешел к «политике умиротворения туземцев». В 1550 г., затеяв переговоры с раздачей подарков, он заключил с айнами восточных и западных земель мир, взял с них клятву верности и ввел в айнских деревнях должность старейшины (*отона*). После этого некоторых старейшин поселили на землях княжества и даже определили на довольствие. Взамен они должны были ежегодно подносить князю дары и выказывать повинование [Там же: 73].

Здесь следует отметить, что Мацумаэское княжество, со временем попадавшее во все большую вассальную зависимость от японских сёгунов, не рассматривалось из «центра» как полноправная территориальная единица, подобная хотя бы землям отдельных кланов на севере Хонсю, в Тохоку. Сознвая юридическую несообразность, часто сменяющие друг друга военные лидеры старались устранить ее, ведя переговоры с домом Мацумаэ, наделяя его разными полномочиями и отдавая всякого рода указания. Мацумаэские же князья стремились и узаконить «сверху» существование своего удела, образованного некогда стихийно, и в то же время

де-факто удерживать независимость, которая приносила им огромные доходы, тогда как в случае полного подчинения «центру» они могли потерять все или большую часть своей выгоды. Из этого следовала их политика лавирования, преувеличения истинных размеров владений на Эдзо, угождения сёгунам при вопиющем несоблюдении их распоряжений.

В конце XVI в., когда в Японии усиливались попытки объединить страну, Андо Санэсуэ и Какидзаки Ёсихиро (1548–1616), пятый внук Такэда Нобухиро, встретились с Тоётоми Хидэёси, захватившим власть. Они обсудили с новым лидером ряд вопросов о северных территориях и заручились его поддержкой.

Когда в 1591 г. на северо-востоке Хонсю владетель земель Кунохэ Огасавара Масадзанэ поднял мятеж, Тоётоми Хидэёси распорядился покарать мятежника, и Какидзаки Ёсихиро немедленно откликнулся на этот призыв. Он выдвинулся в поход, взяв не только собственных солдат, но и айнских воинов. При осаде замка Масадзанэ айнам приказали стрелять отравленными стрелами, от которых умирали даже легкораненые. В итоге замок был захвачен и разорен, а предводитель мятежников убит.

В 1593 г. Какидзаки Ёсихиро на очередной аудиенции у Тоётоми Хидэёси получил чин *сима-но ками*, то есть «глава острова» Эдзо (Хоккайдо), а после смерти Хидэёси в 1604 г. закрепил свое положение у нового правителя Токугава Иэясу. Собственно только тогда в южной части острова Эдзо появилось княжество Мацумаэ. Это было крохотное владение: его границы начинались от мыса Сиокуби на востоке и достигали Кумаиси на западе. Центром княжества стал замок Фукуяма, строительство которого завершилось в 1606 г. Ёсихиро Какидзаки в очередной раз поменял фамилию и стал именоваться Мацумаэ. С этого времени фамилия Андо окончательно отошла на второй план, тогда как глава острова получил право контролировать торговые суда с Хонсю и других районов Японии, тем самым монополизировав торговлю с айнами.

В 1643 г., при Мацумаэ Удзихиро (1622–1648) — восьмом внуке Такэда Нобухиро, восставали айны западных земель (область Сэтанай) под началом Хэнаукэ; в 1648 г. воевали между собой туземцы *мэнаси-куру* и *сикото-куру* [Позднеев 1909, т. 2: 83; Kikuchi 1999: 87]. Правление же десятого внука Такэда — Мацумаэ Норихиро (1659–1720) — в 1669 г. ознаменовалось крупнейшим за всю историю выступлением айнов под предводительством Сякусяина.

Этому восстанию предшествовала борьба за промысловые угодья, развернувшаяся в 1648 г. между вождем айнов из Хаэ (относились к группе *сюму-куру* («люди с Запада»)) по имени Онибиси и вождем айнов из Сибэтяри (относились к группе *мэнаси-куру* («люди с Востока»)), которого звали Камокутаин. Род Камукотаина занимал обширную территорию от Фуцунаи до Сибэтяри (область Сидзунай). Айны же Хаэ селились у одноименной реки, а также по рекам Сару и Момбэцу [Лим 2010: 182].

В 1648 г. во время совместного пира Камокутаина и Онибиси сподвижник первого по имени Сякусяин по какой-то причине убил сородича Онибиси, но отказался выплатить потерпевшей стороне традиционный откуп (айнск. *цукунай*). Началась затяжная кровная вражда. Спустя несколько лет, в 1653 г., люди Онибиси убили Камокутаина и предводителем айнов Сибэтяри стал Сякусяин.

Вражда Хаэ и Сибэтяри обострилась в 1666 г. Сначала Сякусяин отказал Онибиси в просьбе поделиться медвежонком, спустя некоторое время убил еще одного его родственника (который будто бы нарушил границу охотничьих угодий), а в 1668 г. напал на самого Онибиси [Лим 2010: 185; Kikuchi 1999: 87]. В момент нападения вождь был в доме японского начальника над рудокопами Бунсиро в верховьях Сибутяри. Крепость Сякусяина располагалась совсем рядом, и его людям не составило труда выследить заклятого врага и нанести ему смертельный удар [Позднеев 1909, т. 2: 94, 96].

Сестра Онибиси, жена айнского вождя Утомасы из Сару, приехала в группу *хаэ*, и по ее указанию айны возвели укрепление на реке Ацубэцу. Сякусяин попытался взять его штурмом, но атака была отбита. Тогда Сякусяин приказал воинам дожидаться, когда мужчины уйдут на охоту, вновь повел их на крепость и разорил ее. Дома сожгли, имущество разграбили, а сестру Онибиси убили [Арутюнов, Щебенков 1992: 74].

Айны Хаэ селились недалеко от владений Мацумаэ и пользовались некоторым расположением главы клана. Поэтому сторонники Онибиси обратились к нему с просьбой помочь с вооружением. Однако Мацумаэ Норихиро навстречу им не пошел, возможно, опасаясь за безопасность клана, а может быть, не желая нести убытки от торговли с Сякусяином и его людьми. Зять Онибиси Утафу вновь отправился за помощью в Мацумаэ, но на обратном пути умер от оспы [Лим 2010: 184; Kikuchi 1999: 87]. Тогда в среде айнов появи-

лись слухи, что Утафу отравили и что японцы будут убивать айнов, подмешивая в еду яд.

Пользуясь этим, Сякусяин сумел погасить раздоры айнов, сплотив их в войне против Мацумаэ. В результате в 1669 г. айны выступили, начиная с запада от Масикэ и вплоть до области Сирануси на востоке. Лишь некоторые — с мыса Соя и острова Рисири — не присоединились к восставшим, а другие — из долины Исикари — сохранили нейтралитет. Тем не менее война стала всенародной.

Началось с того, что туземцы разграбили в Сибэтяри казенные и купеческие суда, прибывшие из Мацумаэ, перебив около 400 японцев. Спаслись немногие — лишь к 1670 г. они добрались до Мацумаэ. Тем временем многочисленные отряды повстанцев уже сметали японские гарнизоны на пути к этой цитадели.

Айны обеспечивали мобильность военных передвижений условными сигналами (дым и огни костров), передававшимися от одной горы к другой, так они поддерживали связь и быстро передавали указы Сякусяина. Казалось, ничто их уже не остановит [Лим 2010: 189]. Население Мацумаэ, осознавая смертельную опасность, начало массовое бегство на Хонсю. У мацумаэского князя катастрофически не хватало воинов для обороны владений. В этой ситуации кланы Цугару (Хиросаки), Намбу (Мориока, Хатинохэ) и Сэндай получили приказ бакуфу мобилизовать силы и оказать Мацумаэ помощь. От клана Цугару, например, на Эдзо отправился отряд в 700 воинов (в официальном докладе бакуфу — 500), который возглавил Сугияма Хатибэй. Но в Мацумаэ воспротивились продвижению союзных войск на земли княжества, так как названные кланы были его давними противниками и конкурентами в торговле на севере [Kikuchi 1999: 92]. Помощь «союзников» могла обернуться захватом собственных территорий.

Через некоторое время сёгун Токугава Иэцуна (1651–1681) повелел одному из ближайших родственников Мацумаэ Хатидзаэмон Ясухиро прибыть на Эдзо, сменить молодого князя Норихиро (тому было лишь 17 лет) и взять командование на себя. Между тем Сякусяин назначил начальником своего войска Сицирицязмаэна. Под его началом повстанцы выдвинулись в местность Куннуи.

Мацумаэский военачальник Какидзаки Сакудзаэмон построил в Куннуи ограду, поставил сторожевую башню и вместе с 500 местными рудокопами организовал оборону. Из Мацумаэ к нему на подмогу спешно отправили 120 воинов во главе с Сато Гондзаэмон,

150 — под началом Мацумаэ Гидзаэмон и 130 человек, которыми командовал Ниида Сэхээ. Руководил всеми ставленник сёгуна Ясухи-ро. В Куннуи местные и прибывшие войска общей численностью около 1 тыс. человек объединились.

Айны хотели поджечь поля, чтобы спалить выстроенный японцами палисад, но не смогли этого сделать и, перейдя реку, вступили в бой. Он начался в 6 часов утра и продолжался до 12 часов дня [Позднеев 1909, т. 2: 97]. В отличие от айнов, основным оружием которых являлись луки, японцы были вооружены ружьями. Это решило исход сражения. Повстанцы не выдержали обрушившегося на них ливня пуль и побежали.

Потерпев поражение при реке Куннуи, остатки айнских дружин отошли в крепость Сякусяина в Сибэтяри. Тогда японцы, прибегнув к помощи лояльных айнов, уговорили Сякусяина и его сына по имени Канририка заключить соглашение. Однако оно оказалось военной хитростью. В местечке Бибоку во время торжества по случаю мира Сякусяин, его сын и сподвижники были убиты. Основной опорный пункт сопротивления пал [Там же].

Восстание Сякусяина всерьез обеспокоило не только Мацумаэ, но и бакуфу. В ставке опасались, не спровоцируют ли айны нападение на Японию соседних племен: по географическим представлениям того времени, остров Эдзо и материк соприкасались. Но все закончилось благополучно. Княжество Мацумаэ расставило войска почти во всех районах по побережью Японского моря до мыса Соя, а большинство айнских вождей приняло клятву-договор о верности и послушании.

Несмотря на ужесточившийся контроль, восстание Сякусяина не стало последним в борьбе айнов за независимость. В 1789 г., при тринадцатом потомке Такэда Нобухиро, Мацумаэ Митихиро (1754—1832), в очередной раз взбунтовались айны Кунашира и Киитаппу (Эдзо (район Мэнаси)). Восстание спровоцировал произвол купца Хидая Кюбээ, который, приехав на Эдзо, стал откупщиком мацумаэского князя и монополизировал заготовку древесины [Арутюнов, Щебенков 1992: 78; Самарин 2010: 381].

В восстании приняло участие около 200 айнов под руководством вождя Мамэкири. Они атаковали японские торговые фактории и суда. При столкновениях на Кунашире, в районах Томари, Тифукарубэцу и Фурукамаппу, были убиты 22 японца, а на Эдзо, в Сибэцу, Уэнбэцу и других районах области Мэнаси — еще 49 чело-

век. Жертвами стали управляющие, служащие, переводчики, владельцы кораблей и один *асигару* (пехотинец) клана Мацумаэ. Нескольким японцам удалось спастись. Вернувшись в Мацумаэ, они сообщили о случившемся. Тут же была организована карательная экспедиция. В ее состав вошли 260 воинов во главе с Мацуи Хироцугу и Ниида Масатоси.

Японские отряды не стали вступать с бунтарями в открытый бой. При посредничестве трех влиятельных вождей — Цукиноэ с Кунашира, Сёнка из Нокамаппу и Икотой из Аккэси — присягнувших японцам на верность, им удалось уговорить восставших сдаться. 130 человек с Кунашира и из Мэнаси доставили в Нокамаппу, заключили под стражу, принудили выплатить дань. Предводителей же (ими были признаны Мамэкири, Хонисиайну, Инукума, Сакэтирэ, Нотютона) и непосредственных виновников восстания приговорили к смерти. Но в день казни айны снова подняли бунт [Kikuchi 1999: 122, 123]. Заключенные попытались вырваться наружу. Опасаясь того, что стены темницы не выдержат, японцы сквозь окна открыли огонь из ружей и луков, а затем ворвались внутрь и зарубили оставшихся в живых. Всего были убиты 37 человек [Самарин 2010: 381; Kikuchi 1999: 123].

Цукиноэ и его сподвижников наградили за проявленное усердие. По указу главы клана художник Какидзаки Хакиё нарисовал 12 наиболее отличившихся из них. Портреты получили название «Исю:рэцудзо:» («Серия изображений эдзоских вождей»)² (рис. 1). Хидая Кюбээ ввиду очевидности и тяжести его вины лишили всех прав в *басё*, заменив новым служащим. Кроме того, по ходу следствия был проведен поиск оружия, и в песчаных дюнах у моря, близ селений, нашли спрятанными 103 лука, 68 поясных мечей, 57 копий и 4 тяжелых меча [Самарин 2010: 381].

Через некоторое время бакуфу, чтобы разобраться в причинах периодических беспорядков, направило в северные земли инспекторов. На этом фоне возник «русский» вопрос. Могами Токунай в 1786 г. в составе экспедиционного отряда высадился на островах Итуруп и Уруп и повстречался там с русскими. Это было неприятное открытие для японских правителей.

² Все айны в парадном одеянии. Вождь Икотой облачен в красный кафтан русского производства. Копье при этом японское, а нижний халат — маньчжурский.

Рис. 1. Айн Икотой. «Исю:рэцудзо», Какидзаки Хакиё (1790).
Муниципальная библиотека г. Хакодате. Источник: [Uchida 2004a: 87]

Хотя в окружении бакуфу возникали различные проекты относительно северных территорий, управления ими и тамошними жителями, все прогрессивные идеи сводились на нет. Айны при этом оказались на грани вымирания, некоторые из них, например Икотой — вождь местности Аккэси, бежали от гнета японских предпринимателей на отдаленные острова гряды [Таксами, Косарев 1990: 51; Kikuchi 1999: 137]. В конце концов айны были полностью разоружены — и в прямом смысле, поскольку им запретили иметь оружие, и в экономическом, и в морально-духовном. К XIX в. у них уже не было сил и средств на сопротивление.

На Курилах айнам нередко доводилось отстаивать свои права не только на юге гряды, защищаясь от японцев, но и на более север-

ных островах, вступая в схватки с российскими промышленниками и казаками. Яркий пример — экспедиция на Камчатку и Курилы Ивана Козыревского: в 1713 г. его отряд провел ожесточенный бой с айнами. Освоение Курил И. Черным в 1766—1767 гг. также сопровождалось жестокими мерами, а колонизация острова Уруп в 1795 г. промысловиками под руководством В. Звездочетова вызвала истребление курильцами части колонистов.

Навыки военного дела и фортификации

При необходимости боевых действий против крупных сил противника, как правило, объединялись от одной до нескольких речных групп, каждая из которых включала несколько патрикланов. Руководили ими союзные вожди [Таксами, Косарев 1990: 146]. В состав отряда, по всей видимости, мог входить любой мужчина, способный держать оружие, поскольку особого военного сословия у айнов не было. Дружины формировались по мере необходимости.

В письменном источнике Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (1799—1800) сообщается, что на войне айны следовали особым правилам поведения, которые, к сожалению, не описываются [Hata Awakimaru 1799—1800 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Нельзя исключать, что в прошлом у айнов была система военной подготовки как часть программы воспитания мужчины. Такая подготовка существовала у многих коренных народов Сибири и берингоморского побережья Северной Америки. Ее цель состояла в том, чтобы с молодого возраста научить человека владеть различными видами оружия, уметь противостоять хорошо вооруженному и защищенному противнику, развить такие качества, как выносливость и ловкость. В этой связи обращает на себя внимание подготовка детей к обычаю *укар* (битье палкой), описанная в третьей главе, а также сохранившиеся в айнской культуре состязания в борьбе. Состязания, непосредственно связанные с охотой, могли оказаться полезными и на поле брани [Арутюнов, Щебенков 1992: 117].

Известно, что в некоторых районах Хоккайдо существовала игра под названием «Подозрение» (айнск. *ирацу-упоно*), представлявшая собой род танца с элементами борьбы и служившая для разрешения споров. Играющие разделялись на две группы, каждая адресовала другой разные припевки, после чего стороны сходились

и начинали бороться. Победителем признавалась та сторона, участники которой повергли на землю больше противников [Там же: 123]. Но не только игры и состязания, но и кулачные схватки в прошлом были не редкостью. В частности, рассказывая о нелюбви сахалинских айнов к наемным работам, М. М. Добротворский вскользь сообщал: «Чувка-унтара стали только недавно работать на японцев, а прежде любили только драться» [Добротворский 1875: 87].

Интересное открытие сделал на Сахалине Б. О. Пилсудский. Он зафиксировал предания о том, что ороки, считавшиеся на острове самыми проворными, в бою могли уклоняться от стрел и ловить их руками. Как он писал, «умение не только стрелять из лука, но и вывертываться от стрел имело раньше место и у орочей... та же черта встречается в рассказах, относящихся лишь к северным тарайкинским айнам, соседям ороков... Следовательно, можно предположить, что ороки привезли этот обычай в военном искусстве из своей прежней родины» [Пилсудский 1989: 49].

В одной из легенд о войне айнов с ороками, которую Б. О. Пилсудский записал на Сахалине в 1903 г., говорится о двух тарайкинских мужчинах, учившихся воевать: «...(один) натянул лук, (а) один мужчина стоял на расстоянии; затем масса людей все стояли вместе; все люди, держа луки, вложили (тупые) деревянные стрелы сначала в луки; когда (они) вложили (стрелы) в луки — один человек // при этом был // стоящим на некотором расстоянии — люди выстрелили в этого человека (тупыми) деревянными стрелами. Он уклонился (от) всех стрел, в то же время (он) схватил (их) все руками, (он) схватил много этих стрел; (он) сделал // так, что// ни одна стрела не поразила его...» [Пилсудский 2004: 89].

В прошлом, когда мирная жизнь часто прерывалась крупными и мелкими военными столкновениями, брать в руки оружие приходилось и женщинам. Сохранились свидетельства о том, что айнки, в случае крайней необходимости вступавшие в боевые схватки, умело действовали и короткими ножами, и копьями [Ohnuki-Tierney 1972: 443].

Как ни странно, в письменных источниках не сохранилось упоминаний о том, что айны сражались верхом. Между тем, как отмечалось в предыдущей главе, хоккайдцы умело ездили на лошадях, а во время охоты даже стреляли на скаку. Сложно понять эту информационную лауну и с учетом того, что предки айнов *эмиси* одинаково искусно воевали и в пешем строю, и в конном.

В сражениях неизбежны ранения, часто тяжелые. По свидетельствам миссионера Луиса Фройса (1565), раненные на поле брани айны обмывали раны соленой водой, что было единственным способом их лечения [Анучин 1876: 80, 86]. Но очевидно, что это свидетельство основано на частном наблюдении. В других источниках имеются сведения о некоторых более сложных лечебных способах. Так, Хаяси Сихэй в труде «Сангоку цу:ран дзусэцу» (1785) отмечал, что для лечения ушибов, резаных ран, а также простуды и нарывов айны пользовались растением «цинанхум хвостатый» (айнск. *икэма*) [Щепкин 2011: 143]. По данным Ф. М. Депрерадовича, на небольшие раны привязывали крысиную шкурку, а при более значительных делали перевязки, присыпая рану порошком из толченых костей какого-либо животного [Депрерадович 1877: 31]. Раны могли дезинфицировать даже табаком [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 48].

В войнах применялись стрелы, отравленные смертоносным ядом аконита, и при ранении такой стрелой единственное средство спасения — немедленно вырезать отравленный участок плоти и промыть рану [Осипова 2008: 61].

Для защиты своих территорий — промысловых угодий, мест расселения — от соседних племен и японских колонистов айны возводили *тяси*. Это слово по-айнски означает оборонительный пункт, крепость. Оно состоит из *ти* (мы) и *аси* (ставить) [Utagawa 1992: 332]. *Тяси* относились к типу укреплений, сочетающих черты естественной и искусственной фортификации: их устраивали в труднодоступных местах, используя особенности рельефа, и дополняли сооружением валов, рвов и палисадов [Шубина 1999: 227].

Обнаружение в археологических памятниках *тяси* следов от столбов, располагавшихся в несколько рядов, показало, что палисадов могло быть несколько [Murakami 2006: 78]. Это подтверждает информация о крепости с двойной изгородью в Кусиро, в местности Тясикоцу [Позднеев 1909, т. 2: 31]. Имеется интересная информация о *тяси* Сикаотоси в Аккэси. С внутренней стороны рва здесь пролегал квадратная в плане оборонительная изгородь высотой 2,5–3 м с большой дверью на двух засовах. По углам располагались две смотровые вышки из толстых сосновых досок, а во внутреннем пространстве — несколько домов [Murakami 2006: 88, 91, 93]. Подробное описание устройства Сикаотоси стало возможно благодаря не только археологическим данным, но и записям де Фриса, сделан-

ным в 1643 г., в которых упоминается это укрепление. Информация о крепостных вышках есть и в японских письменных источниках. По записям Могами Токунай «Ватарисима хикки» (1808), айны использовали их для того, чтобы осыпать сверху врагов отравленными стрелами [Utagawa 1992: 332].

На одной из картин Хирако Сэйрю «Кумаокури дзу» («Праздник проводов медведя») (середина XX в.) из собрания Педагогического университета Хоккайдо (Хакодатэ) показан медвежий праздник (рис. 2) [Baba, Kodama 2000: 39]. Интересно, что торжество проходит на площадке с невысокой оградой и вышкой, которая не имеет отношения к празднику. Хотя это художественное полотно нельзя принимать за полностью достоверный источник, но можно предположить, что медвежий праздник справляется в *тыся*.

Наиболее ранние письменные сведения о *тыся* в основном относятся ко второй половине XVII в. — времени противостояния айнов Хаэ и Сибэтъяри. Археологические источники свидетельству-

Рис. 2. «Кумаокури дзу» («Праздник проводов медведя»).
Хирако Сэйрю (середина XX в.). Педагогический университет Хоккайдо.
Источник: [Baba, Kodama 2000: 39]

ют об использовании айнами *тяси* уже в XIII–XIV вв., тогда как XVII в. считается периодом их активного строительства [Kobayashi 1999: 23; Utagawa 1992: 341]. Согласно японским летописям, крепости являлись средством обороны враждующих сторон. Отсюда вожди руководили боевыми действиями, здесь вели переговоры, праздновали победу над противником или заключение торговых сделок. В ходе ожесточенных боев многие *тяси* сжигались, но вместо них появлялись новые [Лим 2008: 147; Kikuchi 1999: 102]. Ученые установили, что сооружение крепости занимало не так уж много времени: на строительство малого укрепленного пункта уходило три-четыре дня, а большого — месяц [Murakami 2006: 78, 93].

На волне мощного антияпонского восстания в XVII в. *тяси* быстро превращались в оплот сопротивления клану Мацумаэ — там, где появлялись группы крепостей, собирались крупные силы мятежников. Можно сказать, что в районах концентрации *тяси* происходила консолидация айнов [Utagawa 1992: 347].

Известно, что на Хоккайдо, Хонсю (в префектуре Аомори) и Курильских островах среди айнов бытовали такие названия крепостей, как *боро-тяси* (*поро-тяси*) (большой укрепленный пункт), *бон-тяси* (*пон-тяси*) (малый укрепленный пункт), *кимун-тяси* (горный укрепленный пункт), *буэн-тяси* (плохой укрепленный пункт), *рай-тяси* (оставленный (вышедший из строя) укрепленный пункт) и *уфуй-тяси* (сгоревший укрепленный пункт) [Коно 1999: 139; Нагано 1995: 97]. Приведенные описательные названия не дают полного представления о разновидностях крепостей. На основе длительного изучения фортификации Хоккайдо археологи предложили классификацию по местоположению, выделив укрепления: на отдельно стоящих холмах; гребнях и вершинах гор; узких и длинных уступах, окруженных с двух сторон болотом либо другим естественным препятствием; крутых утесах, возвышающихся над рекой или морем [Kaiho 2002: 20; Moriga 2001: 97].

На сегодняшний день только на Хоккайдо обнаружено около 500 остатков *тяси*. Среди них — крепость в бассейне реки Рибэцу, предположительно имевшая отношение к восстанию Танасягаси (1529), укрепленный пункт на морском утесе в Куширо (XVII в.), несколько крепостей в бассейне реки Сару и ее притоках [Moriga 2001: 94]. На левом побережье реки Сару, в частности, располагаются *тяси* Абэцу (Пинтомэ), Юой и Поромой, а на ее притоке Нукабира — *тяси* Ниой. На памятниках Ниой и Абэцу инвентарь залегал

под пеплом вулкана Тарумаэ в (1667). Следовательно, действие этих укреплений ограничилось второй половиной XVII в. Инвентарь же, обнаруженный в Юой и Поромой, относится к периоду айнской культуры Средних веков и Нового времени (до XIX в.), что свидетельствует о раннем их появлении и длительном существовании [Morioka 2001: 100].

Среди находок, сделанных в *тяси*, наиболее многочисленными оказались металлические изделия: ножи (*тяси* Ниой), монеты (*тяси* Юой, Поромой), котелки (*тяси* Ниой, Абэцу, Поромой), гвозди (*тяси* Кусиро), мотыги, курительные трубки (*тяси* Ниой), серпы, долота, наконечники стрел (*тяси* Поромой), мечи (яп. *тати*) (*тяси* Юой), фрагменты доспехов (яп. *харамаки*) (*тяси* Абэцу) [Kato 1984: 320]. Обнаружены также импортные керамические сосуды, включая чаши, тарелки (*тяси* Рибэцу, Юой, Поромой), костяные гарпуны (*тяси* Поромой), стеклянные бусы (*тяси* Юой, Кусиро) и каменные артефакты [Ibid.].

Сочинения Хата Авакимару «Эдзосима киан» (1799–1800) и Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо «Эдзо сэй-кэй дзусэцу» (1823) содержат иллюстрации, на которых изображены *тяси* айнов Хоккайдо и Сахалина (рис. 3). К сожалению, относи-

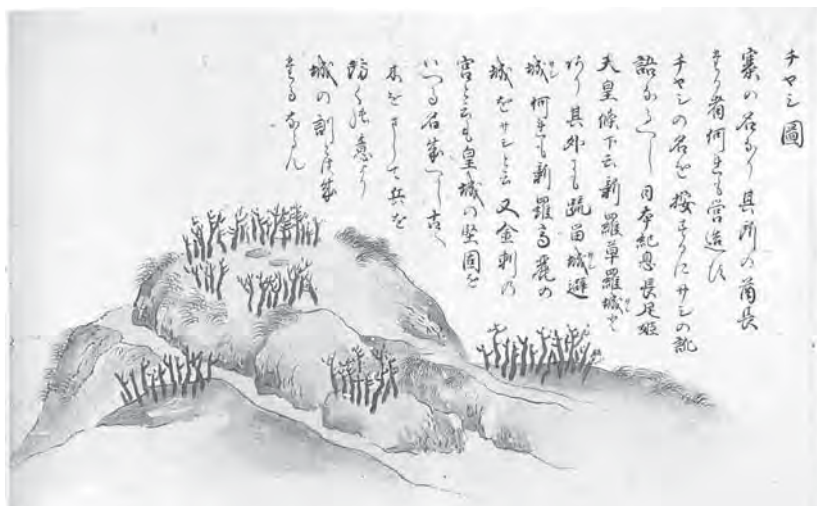

Рис. 3. Укрепление айнов Хоккайдо *тяси*. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

тельно укрепления на Сахалине пояснений нет, а само оно показано довольно условно, будучи частью большой панорамы. Заметно лишь, что крепость окружена земляным валом.

На Сахалине обнаружено более десятка памятников, которые можно отнести к категории *тяси*, а также несколько комплексов, условно обозначенных как «крепости китайского типа». Разделение памятников на *тяси* и китайские крепости обусловлено своеобразием их формы и размеров [Шубина 1999: 228].

Сахалинские *тяси* возводились около водоемов (моря, озера, реки) на возвышенном месте и иногда включали жилища-полуземлянки. Вопросы их датировок и этнической принадлежности трудны и окончательно не решены, поскольку «большинство обследованных памятников... вовсе не содержали признаков айнского присутствия», зато конструктивные особенности жилищ, а также особенности каменного, костяного и керамического инвентаря подсказывали, что функционирование поселений относится ко времени существования охотской культуры. Примером может служить памятник Белокаменная-тяси [Там же: 228, 245]. Ныне исследователи полагают, что одним из существенных отличий охотских укрепленных пунктов от айнских выступает расположение жилищ: охотцы строили землянки по преимуществу внутри крепости, айны же — снаружи [Murakami 2006: 93].

К сахалинским укреплениям со следами пребывания айнов можно отнести Пильво 3 (Смирныховский район) и Асанай 4 (Невельский район). Пильво 3 расположено в 3 км южнее с. Пильво, к северу от перешейка, соединяющего мыс Корсакова с берегом, а Асанай 4 — на морской террасе, в 0,5 км к северу от устья реки Асанай. В первом укреплении, кроме скопления рыбных костей, раковин моллюсков, отщепов, обнаружены керамические котелки с ушками внутри и бронзовые пластины с отверстиями, во втором — каменные орудия, сосуды сусуйского типа и железный наконечник копья. Оба памятника датируются XIII–XVIII вв. [Горбунов, Андропов, Горбунова URL: www.poronaiskmuseum.ru; Горбунов URL: www.poronaiskmuseum.ru].

Кроме двух упомянутых *тяси*, открыт комплекс оборонительных сооружений Сокол (Долинский р-н). Он расположен на заболоченной низменности, образованной р. Малый Такой, и в отличие от Пильво и Асанай не содержит находок. Укрепление представляет собой систему земляных валов-насыпей круглой или овальной фор-

мы, снабженных с двух сторон воротами. Ориентация ворот по сторонам света различна. Все валы около 2 м высоты, датированы приблизительно II тыс. н.э. Аналогичные *тыси* встречаются на Хоккайдо [Прокофьев, Горобец 1991: 120].

В свое время остатки укрепленного пункта на юго-восточном побережье Сахалина (на расстоянии около 2,5 миль от Сирануси, в поселении Когохо) описал японский путешественник Мамия Риндзо. Этот форт, по его описанию, был «с трех сторон обнесен насыпным валом, за которым располагались некогда заполненные водой рвы. Кто и когда построил их? ... Нам не известны ни имена, ни даты. Однако сомнительно, что этот форт был построен местными жителями» [Описание 1990: 99].

Укрепленные пункты наподобие *тыси* айны создавали и на Курильских островах. По материалам, собранным на Курилах японским археологом Коно Цунэкичи в 1900 г., крепости находились на Итурупе, островах Большой Курильской гряды (от Кунашира до о. Шумшу) и Шикотане [Прокофьев 2000: 66, 67]. Дальнейшие археологические исследования выявили оборонительные сооружения на средних Курильских островах Ушишире, Расшуа, Шиащкотане, Онэкотане, Парамушире (между болотами Пэтто и Шипэтто). В некоторых из них раскопаны котлованы жилищ. Точное время сооружения крепостей не установлено. Весьма вероятно, что это были айнские сооружения, предназначенные для долговременной обороны [Там же: 70].

Защитное снаряжение

У айнов как воюющего народа наряду с оружием имелись доспехи разных видов. На хоккайдском и сахалинском диалектах они назывались *хаёкпэ*, *хаёппэ* или *аёппэ*. Такого рода защитное снаряжение уже в древности было распространено во всем тихоокеанском бассейне от северо-западного побережья Северной Америки до Японии. Глинкиты и эскимосы-чугачи носили панцири из тонких деревянных, вертикально расположенных пластинок, оплетенных китовыми сухожилиями, алеуты — несколько отличавшиеся по конструкции изделия, но также собранные из вертикальных дощечек. Доспехи берингоморских эскимосов, чукчей и коряков состояли из костяных пластин [Корсун 2004: 30]. Кроме того, чукчи и азиатские эскимосы применяли на войне кожаные ленточные доспехи

в форме раструба, расширявшегося книзу, из ряда горизонтальных полос, скрепленных ремнями. Каждая последующая полоса находилась на предыдущую, благодаря чему доспех можно было легко собирать сверху и подвязать к поясу, чтобы было легче передвигаться. Грудь воина защищала прямоугольная пластина.

Похожие панцири, а также изделия, сплетенные из травы наподобие циновок, использовали ительмены. С. П. Крашенинников писал: «Куяки или латы делали они из рогож своих или чирелов (травяная циновка), также из нерпичьих и моржовых кож на ремни изкроенных, которые ремни один под другой подвязывали так, что они могли складываться как фижмы. Надевали их с левого боку, и как душагрейку завязывали на правом. Сзади пришивали высокую доску для защиты головы, а спереди такую же к груди, токмо короче» [Крашенинников 1994, т. 2: 67].

Что же касается доспехов японцев, то ранние кирасы IV–VI вв. были металлическими. Их делали из нескольких плотно соединенных вместе массивных пластин и называли *танко*:. В VI–IX вв. распространились доспехи континентального (корейского) типа *кэйко*: или *какэёроу*, состоявшие из множества металлических или кожаных пластинок, прошнурованных по вертикали кожаными ремешками, а в VIII в. — китайского типа *мэно:ко*: из пластинок, нашивавшихся на матерчатые халаты. Далее наступила эпоха классических японских доспехов *ёроу*.

Несмотря на некоторое внешнее сходство, появление пластинчатых панцирей у народов крайнего северо-востока Сибири, видимо, не было связано с японским влиянием — «костяной пластинчатый панцирь являлся местным высоким техническим достижением» [Антропова 1957: 216]. Такое предположение основывается как на сведениях о древних доспехах из китайских письменных источников, так и на анализе истории межкультурных связей.

Богатый материал для изучения ранних доспехов у айнов и их предков дают археологические работы. Судя по данным археологии, в эпоху Кофун элементы японского вооружения и защитного снаряжения стали попадать к *эмиси* — аборигенам северо-восточных областей Хонсю. Об этом свидетельствуют такие находки, как навершие рукояти меча типа *кэйто* и железный шлем *сёкакуцуки-кабуто*, который условно называют *эмиси-но кабуто* (шлем *эмиси*) (рис. 4). Последний был обнаружен в захоронениях Кофун Эдзомори р-на Уэда в Мориока (префектура Иватэ) и датируется серединой VII в.

Рис. 4. Металлический шлем «эмиси-но кабутто» из памятника Эдзомори (середина VII в.).
Источник: [Chinju:fu 2004: 2]

Рис. 5. Деревянный шлем из укрепления Токутан. Комитет по вопросам образования г. Яйти.
Источник: [Suzuki 2008: 243]

Трудно сказать определенно, кто именно использовал эти предметы, но, скорее всего, это были влиятельные *эмиси*.

Вероятно, в IX–XI вв. (период активного противостояния *эмиси* и японцев) железные доспехи и шлемы у воинственных туземцев не были редкостью. Однако для рядовых воинов это было слишком дорого, поэтому они обходились более дешевыми изделиями. При исследовании остатков укрепления Токутан (префектура Иватэ) археологи обнаружили деревянный шлем (рис. 5) [Suzuki 2008: 243]. Этот очень редкий и ценный экспонат свидетельствует о разнообразии защитного снаряжения, использовавшегося в «северных войнах» того времени.

Из области Тохоку предметы вооружения попадали на Хоккайдо. При археологических раскопках в Мидоригаока (г. Кусиро) был обнаружен железный шлем *хосикабутто* с полусферическими заклепками. Он датируется второй половиной XI — первой половиной XII в. Такой же шлем конца XII в. археологи нашли в Эндамакка (г. Румои). Очевидно, уже на ранней стадии становления айнской культуры аборигены Хоккайдо использовали японскую продукцию.

В то же время археологические находки в могильниках Приамурья IX–XIII вв. свидетельствуют о том, что туземцы получали продукцию континентального происхождения, которая, по всей видимости, ввозилась на Сахалин. Это были металлические доспехи ламеллярного типа, правда, они «встречаются не столь часто

и обычно только в виде отдельных пластин или кусков...» [Васильев 2006: 169]. Так, множество обломков обнаружено в Корсаковском могильнике (погребение № 62), здесь же найдена часть доспеха и шлем (около погребения № 87). На некоторых деталях есть повреждения от ударов стрел и мечей. Но один раз на Дубовой Релке в Хабаровском крае удалось найти целый доспех (с полуистлевшими костями). Он представлял собой короткую (до пояса) рубашку с короткими рукавами. Стальные пластинки связывались между собой кожаными сыромятными ремешками. На черепе сохранились мелкие железные пластинки — остатки шлема [Там же: 169, 209].

В письменных источниках информация об айнском защитном вооружении относится к довольно позднему времени. Тем не менее здесь упоминаются некоторые архаичные изделия. В «Хокуибункайёва» Мамия Риндзо (1810), в разделе о *сумэрэнкуру* (нивах), есть рисунок доспеха типа *мэно:ко*: (получили широкое распространение в Китае в VII, а в Японии в VIII в.). По данным Мамия Риндзо, эти доспехи вместе со шлемами назывались *бэтти* (рис. 6) [Описа-

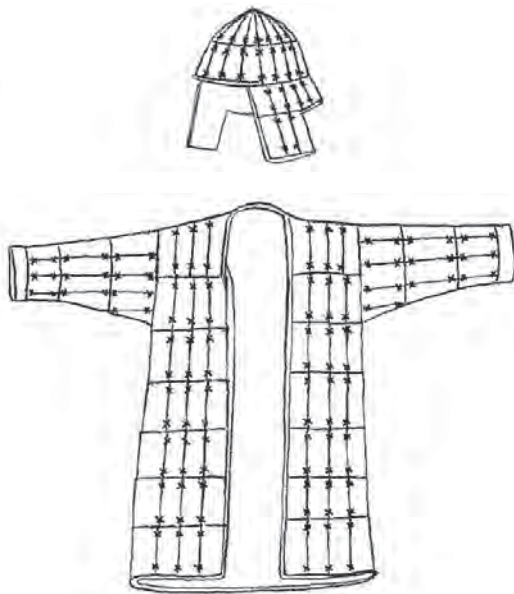

Рис. 6. Доспех айнов Сахалина «бэтти». «Хокуибункайёва», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810). Источник: [Nihon kaschu: 2007: 91]

ние 1990: 124; Nihon kaschu: 2007: 91]. К инородцам Сахалина, в том числе и айнам, *бэтти* попадали из Маньчжурии от нанайцев [Иванов 1970: 172; Описание 1990: 124]. Они очень ценились, и в военное время ими пользовались вожди и состоятельные люди. По мнению Л. Шренка, слово *бэтти* — это искаженное на японский манер название железных нивхских лат *печ* [Шренк 1899: 258].

Айнские воины в доспехах, напоминающих *бэтти*, изображены на иллюстрациях «Эдзо кунко:ки» — в повествовании о похождениях Минамото Ёсицунэ на Эдзо, автор — Эйракуся Иссуэй (1853). О правдоподобности изображений в этом литературном памятнике говорить сложно — произведение было написано «для широкой публики» и представляло собой «собрания данных из разных старых книг, разукрашенные только автором» [Позднеев 1909, т. 2: 38]. Но хотя сама история — лишь легенда, и айны, и предметы их быта, включая вооружение, изображены реалистично. Кирасы на воинах пластинчатые, надеты поверх *аттусу*. Шишаки шлемов также в основном пластинчатые, остроконечные, нижняя часть, закрывающая шею и плечи, выполнена из шкуры (рис. 7) [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

В культуре айнов Сахалина, кроме *мэно:ко:*, сохранилась еще одна разновидность старинных доспехов — *кэйко:*. Японцы носили такие доспехи в VI–IX вв. Два *кэйко:* обнаружил в 1933 г. на Южном Сахалине японский археолог Ито Нобуо (рис. 8, 9). Они хранились в айнской семье Като, жившей в селении Хигаси-Тарайка, и передавались из поколения в поколение как родовая реликвия [Sugimura 2000: 327].

Установлено, что доспехи изготовлены из шкур животных: один — из оленя, другой — сивуча, без металлических элементов. Изображение герба *мицудомоз*, выполненное лаком, форма пластин *кодзанэ* и в целом способ изготовления изделия, набранного из множества рядов плотно подогнанных друг к другу кожаных ремешков, указывают на японское происхождение, при этом довольно позднее (скорее всего, не ранее XVII в.) [Прокофьев 2002: 75; Nihon kaschu: 2007: 84; Sasaki Toshikazu 2001: 133; Sugimura 2000: 327].

Фрагменты еще одного айнского доспеха *кэйко:* хранятся в собраниях Токийского государственного музея. Это панцирь и часть защитной пластины с гербом в виде двух правосторонне направленных запятых (рис. 10). Мелкие пластины, из которых состоит панцирь,

Рис. 7. Айнские воины в доспехах. Фрагменты иллюстраций к повествованию «Эдзо кунко:ки». Эйракуся Иссуй (1853).
 Источник: [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb/>]

Рис. 8. Кожаный доспех айнов Сахалина *хаёкнэ* (тип *кэйко*:) (слева). Отделение археологии Университета Тохоку. Кожаный доспех айнов Сахалина *хаёкнэ* (справа). Сахалинский областной краеведческий музей. Источник: [Ainubunkaten 1972: 36 (фото М. М. Прокофьева)]

Рис. 9. Айн в доспехе *хаёкнэ*.
Источник: [Kawayoroi URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Рис. 10. Фрагменты айнского доспеха *хаёкнэ* (тип *кэйко*).

Панцирь и часть защитной пластины с гербом.

Токийский государственный музей

(№ 28618). Источник: [То:kyo:kokuritsuahakubutsukan 1992: 230]

расположены в восемь рядов. Они изготовлены из кожи и соединены между собой ремешками. О месте происхождения этого уникального предмета данных нет [То:kyo:kokuritsuahakubutsukan 1992: 230].

У сахалинских айнов в ходу были не только архаичные японские доспехи, но и более современные, железные (айнск. *гайокунэ*). Фрагменты двух металлических панцирей найдены в Сирануси, еще один — в Райтиси (селение Староайнское) и один — в Серароко [Кондратенко, Прокофьев 2005: 260; Пилсудский 1914: 81; Sugimura 2000: 331]. Предположительно, их привезли на Сахалин айны, переселившиеся с Хоккайдо [Прокофьев 2005: 8].

Латы из Райтиси можно отнести к *тосэй-гусоку*. Их обнаружил Б. А. Жеребцов при обследовании айнского родового кладбища. Находка включала панцирь, оплечья, наручи и шлем — итого восемь элементов (рис. 11). Интересно, что у основания панциря были привязаны куски медвежьей шкуры с шерстью, скорее всего амулет [Прокофьев 2005: 80; Кондратенко, Прокофьев 2005: 260]. Доспех из Серароко, найденный Б. О. Пилсудским, находился среди фамильных сокровищ одного из местных старост [Пилсудский

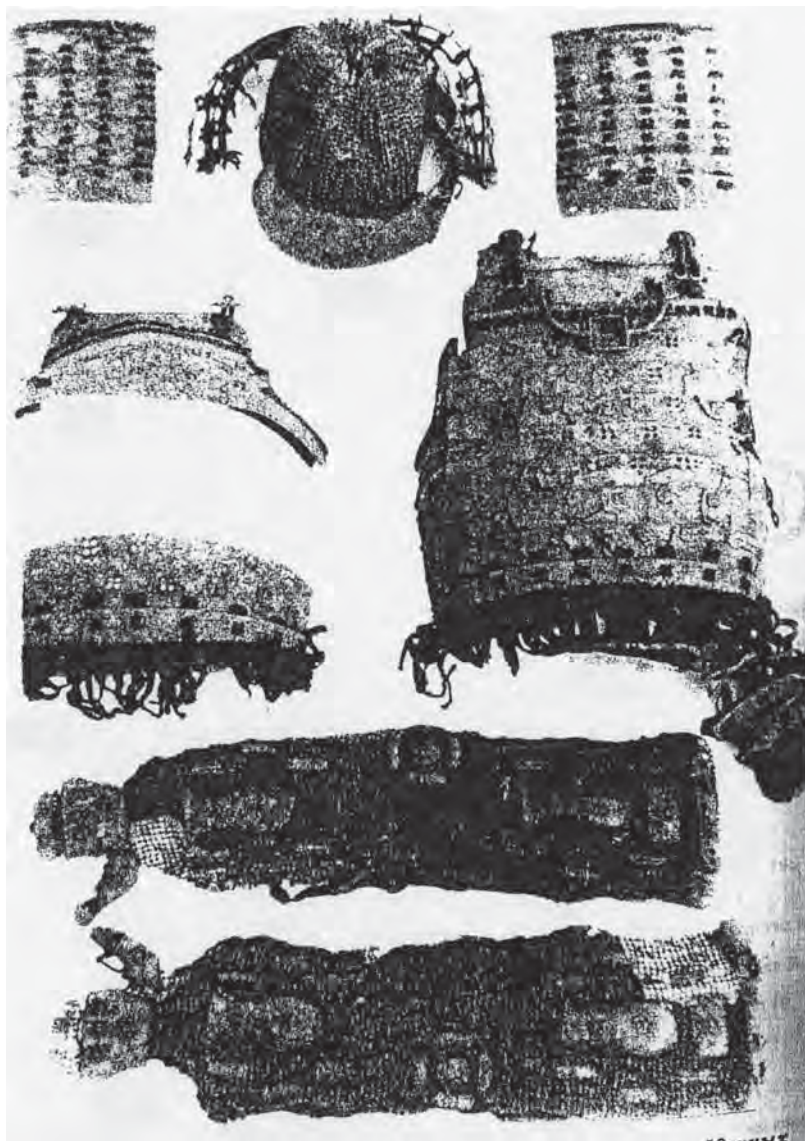

Рис. 11. Фрагменты японского металлического доспеха из айнского селения Староайнское (Райтиси).
Источник: [Кондратенко, Прокофьев 2005: 260]

1914: 81]. Как видим, импортные доспехи даже тогда сохранялись в семьях сахалинских айнов как родовая реликвия.

Естественно, японские защитные принадлежности использовались и айны Хоккайдо. Неоднократно их фрагменты обнаруживаются в археологических памятниках острова. Так, в памятнике Биби 8 были обнаружены детали *ёрои*, а в *тяси* Абэцу — *харамаки* (рис. 12, 13). В погребении Суэхиро I Р-45 (с двумя костяками) среди погребального инвентаря содержались две металлические детали и множество кожаных пластинок *кодзанэ* [Morioka 2001: 99, 143].

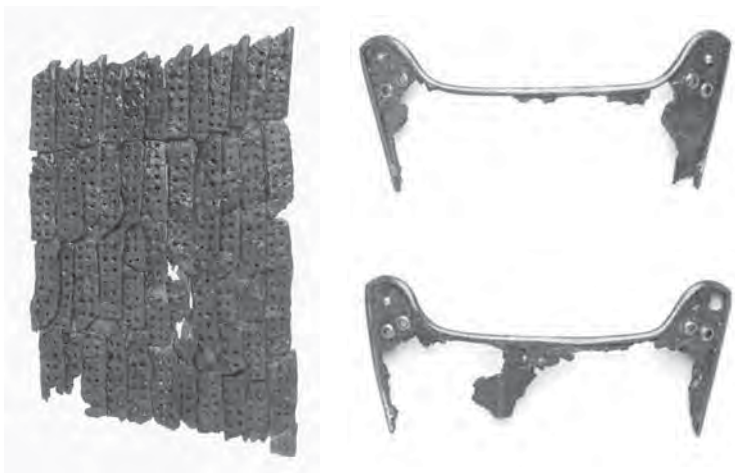

Рис. 12. Фрагменты японского доспеха *харамаки* (пластины *вакиита* и *кусадзури*) из *тяси* Абэцу (Хоккайдо) периода Средние века — Новое время. Комитет по вопросам образования г. Бирамори. Источник: [Morioka 2001: 99]

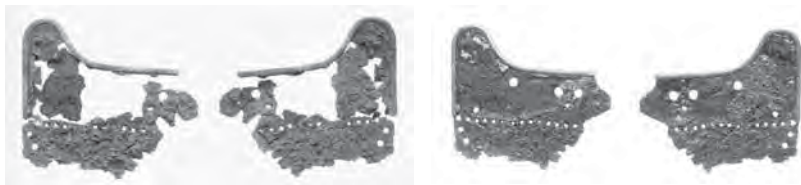

Рис. 13. Фрагменты японского доспеха *ёрои* из памятника Биби 8 (Хоккайдо) эпохи Сацумон — второй половины XVII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 143]

Не исключено, что железные элементы доспехов айны использовали для вторичной переработки. Пластинки (яп. *кодзанэ*), например, подходили для починки железных котелков. По мнению К. Мориока, извлеченные из *тяси* Абэцу фрагменты панциря туземцы применяли именно как сырье [Ibid.: 114].

Информация о шлемах японского производства у айнов также подтверждается археологическими находками. Фрагменты шлемов типа *хосикабуто* были обнаружены в Осамунай (г. Фукагава), Минамиитидзэ (г. Саппоро), близ раковинной кучи Комаба (г. Сидзунай); фрагменты шлемов типа *судзикабуто* — близ *тяси* Торари I (г. Рикубэцу), в *тяси* Сэтанай (г. Сэтана), а также в Ацума (рис. 14). Шлем из Торари датируется приблизительно концом XIV в., шлем из Комаба — второй половиной XVI — началом XVII в., шлем из Ацума — XIV — концом XVI в. Нельзя однозначно утверждать, что все обнаруженные вещи принадлежали айнам. Тем не менее вместе со шлемом в Осамунай найдены меч, фрагменты металлических изделий (в том числе пластинки от доспехов *кодзанэ*), а также ушные украшения и бусины. Шлему в Торари сопутствовали японский доспех, меч, наконечник копья и котелок [Utawawa 2003: 228]. Другими словами — некоторые находки шлемов сопровождалась типично айнскими предметами, такими как ушные серьги, бусины, котелок.

Редкую находку сделал в свое время Ито Нобуо. На юго-западном побережье Сахалина, в селении Чирай, он разыскал боевой шлем. На момент обнаружения айны наделяли шлем магическими свойствами и использовали как средство целительства [Прокофьев 2006: 116]. К сожалению, подробного описания не сохранилось, а сам бесценный предмет был утерян.

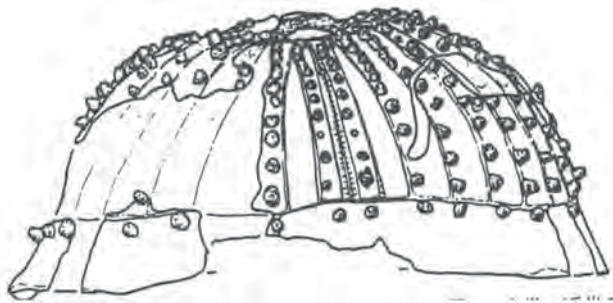

Рис. 14. Шлем *хосикабуто* из памятника Осамунай (Хоккайдо).
Источник: [Utawawa 2003: 227]

Конечно, кроме японских доспехов и шлемов, у айнов бытовали и китайско-маньчжурские воинские принадлежности. В работе Араи Хакусэки «Эдзоси» (1720), например, есть иллюстрация маньчжурских лат с пометкой, что они являлись предметом меновой торговли с народами Сахалина (рис. 15, 16). Нет ничего удивительного в том, что у туземцев, находившихся под маньчжурским влиянием, в ходу были маньчжурские латы, а под японским — японские; при контактах в ходе обмена они переходили из рук в руки.

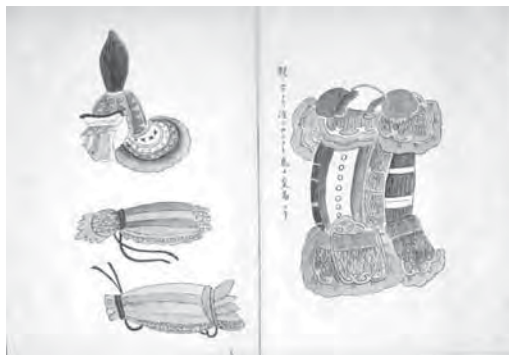

Рис. 15. Доспехи китайского типа, доставлявшиеся на Сахалин с материка в качестве товара меновой торговли. «Эдзоси», Араи Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Рис. 16. Маньчжурский шлем и фрагменты маньчжурского доспеха, обнаруженные на Сахалине.

Источник: [Шренк 1899: табл. XLIV]

К сожалению, об исконных айнских доспехах известно мало. Это кажется странным, если учитывать активное участие айнов в длительных войнах. Л. Шренк по этому поводу заметил: у народов низовьев Амура самодельных панцирей осталось мало потому, что в их культурах высоко ценились прежде всего импортные товары, а изделиям собственного производства не придавалось никакого значения [Шренк 1899: 259]. Видимо, то же можно сказать об айнах.

Из сохранившихся артефактов следует отметить защитную пластину для шеи и оплечье из коллекций Токийского государственного музея, которые в 1927 г. преподнес музею Токугава Ёрисада (1892–1954) (рис. 17). Пластина сделана из цельного куска дерева прямоугольной формы, вырез для шеи — полукруглый. В верхней и нижней частях пластины есть несколько сквозных отверстий (в двух из них фрагмент кожаного ремешка), а на лицевой стороне — рисунок черного цвета: три кольца слева и справа большие, а между ними — чуть меньшего размера, расположенных по прямой и соединенных горизонтальной чертой. Вниз от центрального кольца идет короткая вертикальная черта, которая соединяется с еще одной горизонтальной чертой, слева и справа оканчивающейся кружками [То:кю:kokuritsuhakubutsukan 1992: 230].

Согласно каталогу, экспонат представляет собой часть доспеха айнов Хоккайдо. Упомянутое оплечье состоит из трех рядов довольно крупных деревянных пластин, соединенных кожаными ремешками. Место приобретения не установлено [Ibid.].

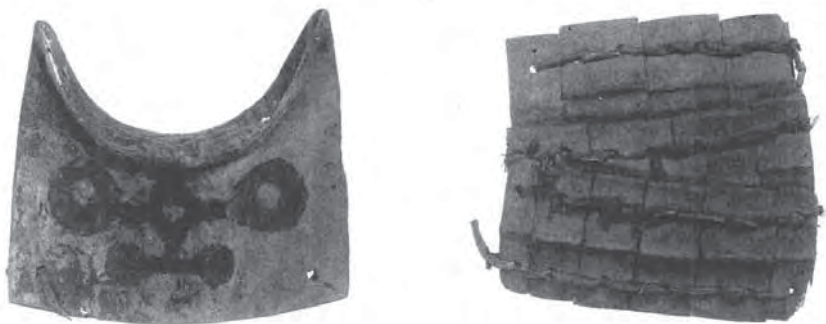

Рис. 17. Фрагменты айнского доспеха. Защитная пластина для шеи с рисунком и оплечье. Токийский государственный музей (№ 28618, 28619). Источник: [То:кю:kokuritsuhakubutsukan 1992: 230]

Некоторые сведения о самодельных средствах защиты в бою айнов Сахалина сохранились в письменных источниках. Известно, например, что в XIX в. на Сахалине были в ходу доспехи из веревок, старых сетей или лососевой кожи, покрывавшиеся липкой землей или корой (айнск. *кусари*) [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 26; Batchelor 1926: 269]. Близким аналогом *кусари*, думается, можно считать нивхский веревочный доспех *кэ-печ* (рис. 18). Нивхские *кэ-печ* напоминали короткую рубашку или куртку без рукавов, сплетенную из веревок и крапивной пряжи. Такие «безрукавки» носили поверх обыкновенной собачьей шубы. Во время боя они оставались распахнутыми на груди [Шренк 1899: 259, 260].

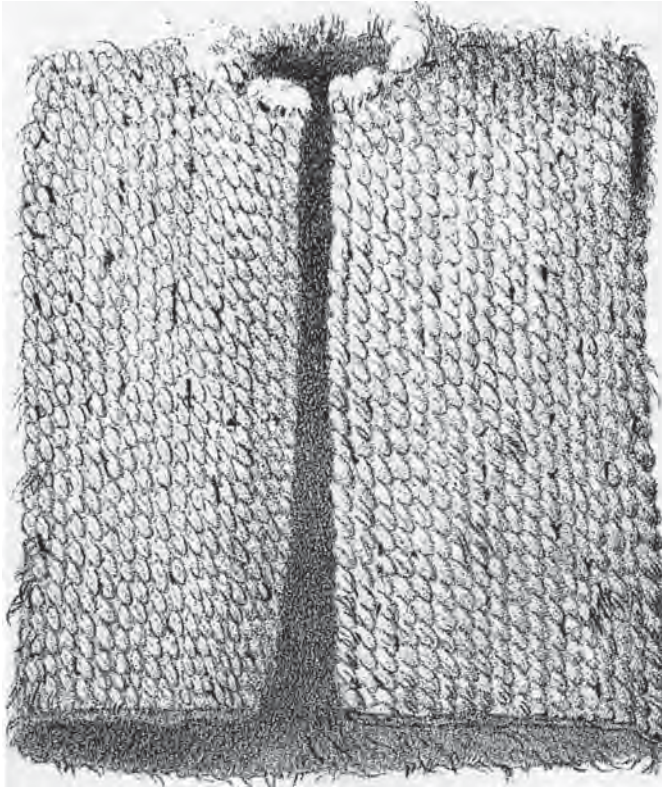

Рис. 18. Нивхский веревочный доспех *кэ-печ*.
Источник: [Шренк 1899: табл. XLIV]

Рис. 19. Сахалинский айн в самодельных доспехах
и разновидность айнского самодельного кожного доспеха.
Источник: [Nishizuru 1942: 63, 79]

Нелишне упомянуть, что айны надевали панцири не только для битвы, но и при охоте на медведя — сохранилась редкая фотография экипированного таким образом охотника с копьём в руках (рис. 19) [Прокофьев 2006: 112; Nishizuru 1942: 103]. Трудно понять, в какой именно доспех облачен охотник, но напоминает он стеганую рубаху из плотной ткани и кожи.

Отдельного внимания заслуживают доспехи, которые представлены на страницах японских письменных источников и, видимо, принадлежали айнам Хоккайдо. В уже упоминавшемся сочинении Араи Хакусэки «Эдзоси» (1720) изображены латы *ёкупэ* (названные *гусоку* — общим наименованием защитного снаряжения в то время) из кожи сивуча (рис. 20) [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Этот рисунок воспроизведен в более позднем источнике Хаяси Сихэй «Сангоку цу:ран» (1785). В обоих случаях изображения нечеткие и не дают ясного представления о форме снаряжения; можно разобрать лишь несколько рядов кожаных пластин, что напоминает японскую кирасу самурая без нижней

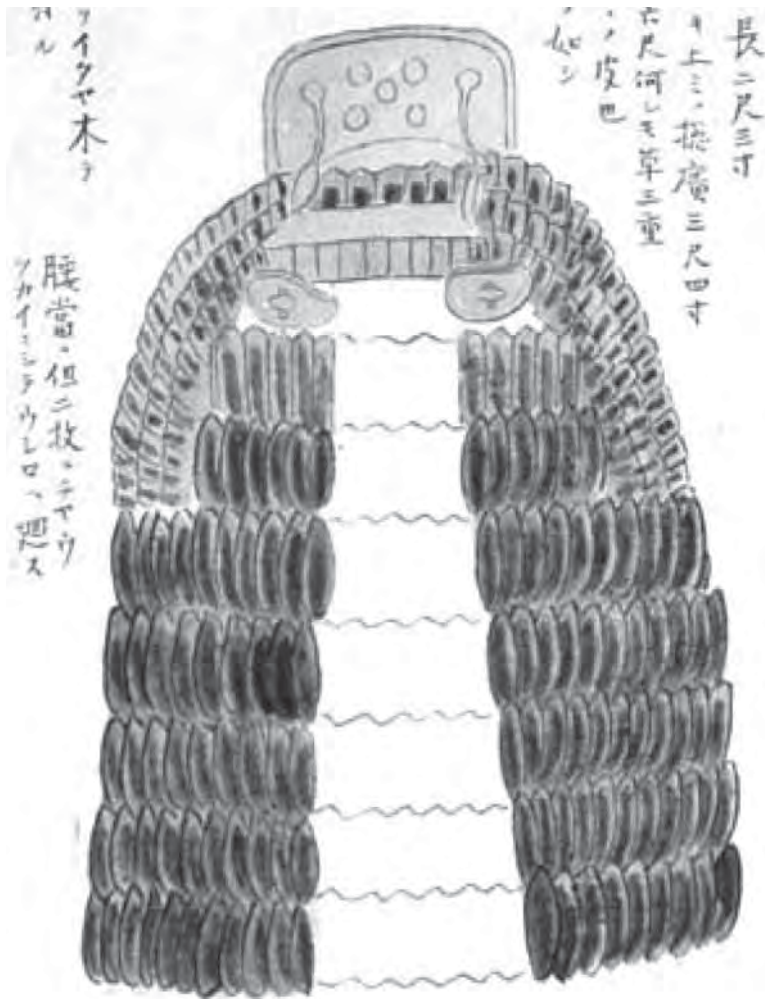

Рис. 20. Доспех айнов Хоккайдо ёкунэ.
«Эдзоси», Арай Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

части — «юбки» *кусадзури*. Согласно пояснительному тексту, доспех был изготовлен из трех слоев кожи и по высоте достигал около 65 см [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>; Hayashi 1785 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

В комментариях «Эдзоси» речь также идет об айнских шлемах, наручах и поножах. Сообщается, что шлемы назывались *контти* (так же, как зимние головные уборы) или *такаракаузь*, но конструктивные особенности не указаны. Что касается наручей и поножей, то, по «Эдзоси», они изготовлялись из дерева и хлопчатобумажной ткани (названия не указаны) [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>; Hayashi 1785 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Примечательно, что шлемы *такаракаузь* упоминаются в японском источнике «Эдзоданхикки». Здесь сказано, что айны делали их из дерева.

Работа Сато Гэнрокуро «Эдзосю:ихои» (1786) дает представление о другом защитном снаряжении — *аённэ*, длиной около 185 см, изготовленном из кожи кита и принадлежавшем айну Касумоэрэ (рис. 21). Кожа разрезана на узкие длинные полосы, скрепленные

Рис. 21. Доспех айнов Хоккайдо *аённэ*.

«Эдзосю:ихои», Сато Гэнрокуро (1786).

Источник: [Sato 1786 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>]

между собой [Sato 1786 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Судя по изображению, *аёппэ* — ленточный доспех. Он характерен для народов крайнего северо-востока Сибири [Антропова 1957: 210]. Такие изделия были отмечены С. П. Крашенинниковым у ительменов, ближайших соседей курильских айнов, так что они, попав в айнскую культуру, могли бытовать как на Курилах, так и на Сахалине и Хоккайдо.

Своеобразные латы *аёкпэ* представлены в труде Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (1799–1800). Автор условно относит их к типу японских *утикакэ-ёрои* (рис. 22). В пояснении к иллюстрации указывается, что так выглядели айнские самодельные пластинчатые

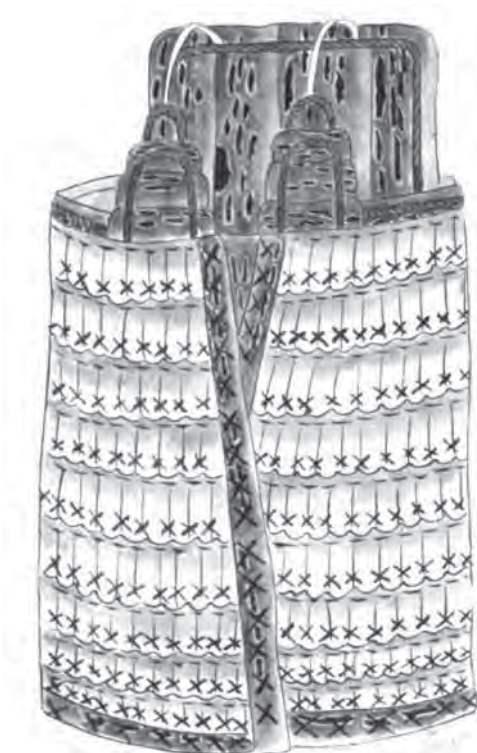

Рис. 22. Айнский доспех *аёкпэ*. «Эдзосима кикан», «Эдзоти танкэнки» (рукопись с выдержками из «Эдзосима кикан»), Хата Авакимару (1799–1800).
Источник: [Hata 1799–1800 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

доспехи из дерева и шкуры и что шлемы айны сами не делали, а использовали готовые японские изделия [Hata Awakimaru 1799–1800 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Рисунок действительно передает тип пластинчатого доспеха из шкуры морского животного, снаружи обшитого плотно подогнанными друг к другу деревянными пластинами. Хотя Хата Авакимару соотносит этот образец с японским *утикакэ-ёрои*, очевидно большее родство с традициями Севера. По форме он напоминает костяные пластинчатые панцири чукотского типа. Хата Авакимару сообщает, что один из подчиненных айнского вождя Тобэцу, которого звали Сиримэкисю, обладал 10 комплектами доспехов, и среди них один был необычайно красивым.

В конце XVIII в. Ямагути Тэцугоро в записях «Эдзосю:и» описал айнские латы *аёббэ*, подобные японским, включавшие нагрудник, оплечья и нечто, напоминающее защитную «юбку» *кусадзури* (рис. 23). Рисунок этих лат выполнен очень условно, никаких

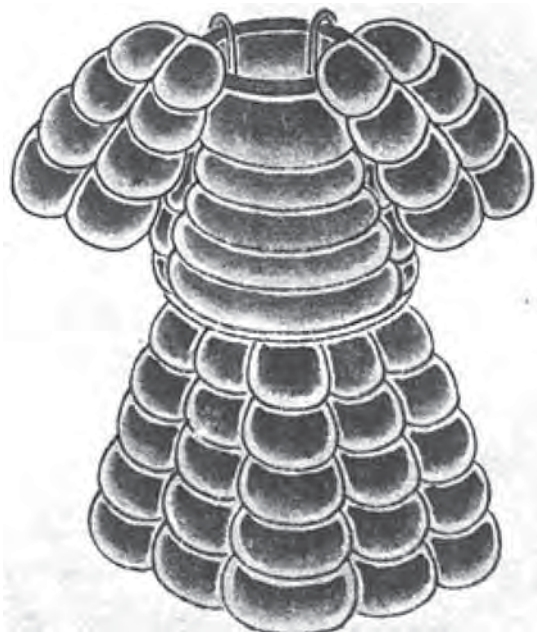

Рис. 23. Доспех айнов Хоккайдо *аёббэ*. «Эдзосю:и», Ямагути Тэцугоро (вторая половина XIX в.). Источник: [Ainu-no uoigo вторая половина XIX в. URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

деталей не приводится, поэтому сказать что-либо о происхождении предмета сложно. Из пояснительного текста лишь следует, что он изготовлен из кожи сивуча и что в Мацумаэ сивучей называли *todo* [Ainu-no uoŋoi вторая половина XIX в. URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

О защитном снаряжении курильских айнов повествуют российские источники. Так, в конце XVII — начале XVIII в. казаки упоминали доспехи курильцев, называя их «куяки сбруйные», но без точного описания. Чуть позднее, во второй половине XVIII в., чиновник Д. Шабалин, посетивший близлежащие к Хоккайдо Курильские острова, уточнил, что «куяки» эти, включая кирасы и шлемы, были собраны из мелких досок, а на шлемах имелось по одному обручу [Анучин 1876: 91; Таксами, Косарев 1990: 43]. Сведения Д. Шабалина подтверждает итальянский миссионер Джироламо де Анджелис. Согласно записям итальянца «*Relatione del Regno di Iezo*» (1618–1621), латами айнам служили короткие кафтаны с нашитыми на них дощечками [Анучин 1876: 82].

В целом, по письменным и этнографическим источникам можно заключить, что в Средние века айны широко использовали в военных целях собственные, самодельные, и покупные доспехи. Покупные — японские или маньчжурские — были представлены пластинчатыми латами из кожи или железа. Самодельные доспехи, изготавливавшиеся из плотных тканей, кож, веревок, деревянных пластин, напоминали защитное снаряжение народов Приамурья и крайнего северо-востока Сибири.

Вооружение

Из записей Джироламо де Анджелиса «*Relatione del Regno di Iezo*» (1618–1621) следует, что оружием айнам служили луки, отравленные стрелы, копья и мечи [Анучин 1876: 82]. При этом луки и копья традиционно были их основными охотничьими орудиями (подробно рассмотрены в предыдущих разделах), а мечи — важнейшими атрибутами культа.

Информацию итальянского миссионера подтверждают различные источники. Например, казаки в начале XVIII в. к вооружению курильцев также относили мечи, копья, луки со стрелами (рис. 24). Не случайно и то, что после подавления восстания айнов Кунашира и Мэнаси японцы обнаружили в числе спрятанного

Рис. 24. Сражение айнов Хоккайдо с русскими.
«То:кай ява», Оути Хиросада (1860). Источник: [Greay 1884: 73]

мятежниками оружия более сотни луков, 57 копий, 68 поясных и 4 тяжелых меча [Самарин 2010: 381]. А. С. Полонский подчеркивал, что наиболее значимая роль в войнах отводилась лукам [Полонский 1871: 383].

Если говорить о мечах, то на протяжении столетий айны, а еще раньше — их предки *эмиси* пользовались изделиями японского производства. Как и доспехи, они попали в северные районы Японии уже в древности. Первые свидетельства об этом относятся к эпохе Кофун: в археологических памятниках *эмиси* Тохоку встречаются длинные *тати* типа *кэйто*: (яп. *кэйто*:-но *тати*) и небольшие *варабитэто*: (этих особенно много). Видимо, местные жители получали их от японцев в качестве даров или товара меновой торговли [Sasaki Kaoru 2001: 133]. Установлено также, что *варабитэто*: вместе с *тати* типа *кэнуки* (яп. *кэнуки*-но *тати*) в VII–VIII вв. ввозились на Хоккайдо.

Позже среди айнов широкое распространение получили мечи *тати*, *утигатана* (*катана* и *вакидзаси*), а также ножи *танто*: (*косигатана*). Много изделий *тати* представлено типом *хирадзукури* (лезвие с плоской поверхностью) [Sasaki Toshikazu 2001: 123]. Пере-

численные разновидности туземцы различали прежде всего по размеру и способу отделки, о чем свидетельствуют названия. В числе названий встречаются такие, как *таннэп* — «длинная вещь», *таннэп-икор* — «длинная дорогая вещь», *такнэ-п-икор* — «короткая дорогая вещь», слова *эмусь*, *там*, *тамамнэ*, *мутбэ*, *арамкопастэп* или *со-сам-ус-нэ* (рис. 25, 26) [Batchelor 1926: 293; Kayano 2002: 293; Sasaki Toshikazu 2001: 122].

Рис. 25. Мечи *эмусь* из захоронений Нибутани № 1 и 2 периода Средние века — Новое время. Комитет по вопросам образования г. Бирамори. Источник: [Morioka 2001: 107, 108]

Рис. 26. Меч *эмусь* (тип *тати-кэнуки*) из *тяси* Юой периода Средние века — Новое время. Комитет по вопросам образования г. Бирамори. Источник: [Morioka 2001: 100]

По известным данным, курильские айны за старую японскую «саблю» (меч) охотно платили по 20 штук морских бобров и считали это выгодной сделкой [Шренк 1899: 257]. Таким образом, мечи стоили очень дорого. К сахалинским айнам, культура которых испытывала сильное влияние с материка, иногда попадали и маньчжурские сабли. Случалось, что их впоследствии использовали как откуп за какую-либо провинность [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 15].

В культовой практике или торжественных церемониях туземцы могли использовать и копии японских мечей, вырезанные из дерева. Кроме того, часто к японским или маньчжурским клинкам и гардам добавляли самодельные рукоять и декоративные элементы (рис. 27). Такую продукцию, как правило, называли *эмусь* [Sasaki Toshikazu 2001: 122]. Наконец, клинки нередко заказывали японским кузнецам. Японцы делали их из мягкого железа или латуни, что, с одной стороны, удешевляло изделие, а с другой — делало его малоэффективным в бою. Бывало, что на клинках кузнецы гравировали линии, дополняя их различными узорами и отверстиями [Mimura 2001: 155].

В собраниях Музея антропологии и этнографии РАН хранится деревянный меч *ни-эмусь* (*ни* — дерево, деревянный, *эмусь* — меч), приобретенный у айнов западного побережья Сахалина, в селении Маука. В описи указано, что это модель деревянной сабли, по образцу которой айны в Японии заказывали стальные. Обращает на себя внимание криволинейный орнамент на всей поверхности клинка. Возможно, у айнов этот мотив ассоциировался со змеей и имел магическое значение. В Японии сохранились стальные мечи со схожим рисунком.

Декоративные элементы оружия изготавливались из оленьего рога и металла. Костяные аксессуары делали сами айны, а метал-

Рис. 27. Меч *эмусь* с самодельными рукоятью и элементами монтировки МАЭ РАН (№ 839-135). Источник: [Айнские коллекции 1998: 88]

лические (из серебра, позолоченной бронзы, латуни, свинца) приобретались у японцев [Sasaki Toshikazu 2001: 127]. Металлические накладки были округлые, четырехугольные, фигурные, одностронне выпуклые или плоские. Их собирали из нескольких частей, например деревянной или медной основы с серебряной фольгой, украшенной тисненым орнаментом (рис. 28). К рукояти меча эти детали крепились медными гвоздиками [Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 319]. Участники голландской экспедиции, побывавшей на Хоккайдо в 1643 г., встречали айнов с мечами, рукояти и ножны которых, «сходные с японскими», были украшены серебром и японскими надписями [Анучин 1876: 83]. Поскольку айны тогда японской грамоты не знали, очевидно, что надписи выполнили японцы.

Боевых мечей айнов до настоящего времени сохранилось немного. Археологи иногда обнаруживают их в погребениях. В частности, это находки *утигатана* в Каминокуни (конец XVI — начало XVII в.) и Кусиро. Предполагают, что на ранней стадии торговых отношений с айнами японцы продавали им мечи хорошего качества. Однако с началом массовых восстаний клинковое оружие по мере подавления восстаний целенаправленно изымалось, а в торговлю поступал товар заведомо низкого качества. Таким образом,

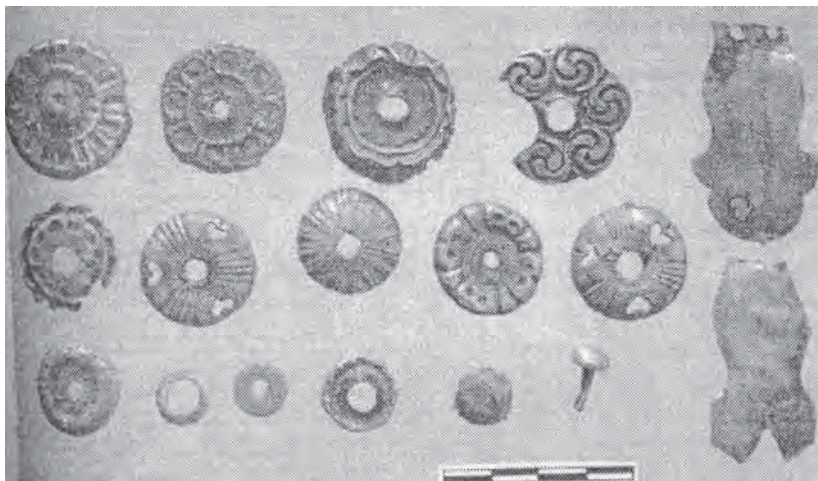

Рис. 28. Украшения-накладки из меди и серебряной фольги из могильника на реке Богатой. Источник: [Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 319]

Рис. 29. Айны Хоккайдо в бою. «Сюндо: хэнтай», Ниияма Сицу (конец XVIII в.). Государственный этнологический музей Лейпцига

со временем мечи у туземцев утратили функцию вооружения и превратились в предметы культа (рис. 29).

Несколько слов следует сказать о ножнах, которые на Хоккайдо и Сахалине назывались *сая* (так же, как на японском языке), а на Камчатке — *кэмуспе*. Как правило, это были деревянные кустарные изделия, украшенные резным орнаментом. Наряду с ними у айнов бытовали и ножны японского производства, декорированные латунными накладками с изображением гербов и растительных мотивов (рис. 30).

Как и самим мечам, ножнам придавался особый сакральный смысл. В фольклоре айнов сохранились предания о том, что герой в трудную минуту пользовался покровительством богов — животных, изображавшихся на ножнах. Эти изображения (волки, медведи, драконы и т.п.) оживали и помогали герою справиться с врагами [Невский 1972: 26].

Рис. 30. Ножны айнов Курильских островов *сая* с латунными накладками. МАЭ РАН (№ 820-1)

Рис. 31. Айн с мечом на перевязи, перекинутой через плечо. Хако Сандзин (середина XIX в.). МАЭ РАН (№ 811-23)

Способы ношения мечей отличались своеобразием. Наиболее распространено было подвешивание к бедру при помощи портупей (рис. 31). Информация о таких портупях встречается у Арай Хакусэки в «Эдзоси» (1720) [Kikuchi 1999: 200].

На Хоккайдо португеи назывались *эмусьац*, а на Сахалине — *эмуса*. Они состояли из ленты, оканчивающейся петлями с декоративными квадратными лоскутками, и соединительного шнура. Когда перевязь перекидывалась через плечо, шнур предохранял от чрезмерного расхождения обоих концов в стороны. Ленты делали из луба (иногда с добавлением хлопчатобумажных нитей), а петли — из рыбьей кожи, шкуры зверя или хлопчатобумажной ткани. Середина ленты была заужена и не украшалась, поскольку эта часть всегда находилась на плече. Концы же всегда расширялись и вместе с петлями покрывались орнаментом — вышивками и аппликациями [Sasaki 1995: 51].

Миссионер Луис Фройс в 1565 г. отметил иной способ ношения меча, без ленты: «Свой меч или саблю они привязывают к голове таким образом, что рукоятка его торчит выше плеча» [Анучин 1876: 80]. На некоторых картинах айну-э можно увидеть похожее изображение: меч находится за спиной, но на перевязи, перекинутой через плечо (рис. 32). Возможно, первый способ айны использовали для торжественных церемоний, а два других — во время сражений: человеку, передвигавшемуся среди деревьев, кустарников и в густой траве, удобнее было держать меч за спиной.

Рис. 32. Способ ношения айнами Хоккайдо меча за спиной.
«Эдзоси», Арай Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Кроме мечей, айны владели еще одним грозным оружием ближнего боя — деревянными палицами (айнск. *суту*). Они получили широкое распространение в айнской культуре и, согласно письменным источникам, использовались не только на войне, но и на охоте, в судебной практике и культурах³ [Batchelor 1926: 458; Кауано 2002: 281]. Помимо всего прочего, при помощи *суту* туземцы в прошлом избавлялись от пленных — по данным голландской экспедиции (1643), их убивали «ударом большой тяжелой палицы по голове» [Анучин 1876: 87].

Обычно *суту* снабжались утяжелителями из камней или кусков железа. Эти предметы привязывали шнурами к ударной поверхности сбоку. Ударная часть была ребристая и с небольшим шипом на конце⁴. Шип служил для фиксации шнура, который в нижней части дубинки крепили к рукояти. Рукоять чаще всего оканчивалась утолщением с петлей [Museum of Ethnography 1999: 31]. Палицы такой конструкции пользовались у айнов наибольшим признанием. В руках опытного воина это оружие могло поспорить с мечом или копьем. Были и другие разновидности дубинок, отличавшиеся в основном оформлением ударной части.

В упомянутом уже не раз «Эдзо сэйкэй дзусэцу» (1823) содержится подробное описание палиц пяти видов (рис. 33). Первый представлял классический вариант с ребристой поверхностью (айнск. *ру-уй-суту*). Слово *ру* переводится как «желоб», *уй* — «есть», а название в целом — «*суту* с желобами». Вторая разновидность отличалась формой в виде дисков с неровными краями, напоминающей расположенные в ряд шестеренки (айнск. *си-ай-усь-суту*). Согласно пояснительному тексту, *си* на айнском языке означало

³ Палицами, например, избивали, когда молились о хорошей погоде, попутном ветре или избавлении от болезнетворного духа [Ainu-no ko:gei 2008: 70]. Вот как описывается изгнание болезни в «Хигаси эдзо ико» (список сочинения «Эдзо сэйкэй дзусэцу»): «При эпидемической болезни из травы делают чучело человека и ставят его против той стороны, откуда пришла болезнь, а над одним из людей из того места совершают *укар...*» [«Хигаси эдзо ико» 2013: 132, 144]. Как правило, били легко. Чтобы смягчить удары, дубину обматывали хлопчатобумажной тканью.

⁴ В коллекции американского этнографа Х. М. Хиллера имеется дубинка айнов Хоккайдо, на ударной поверхности которой вырезаны два рельефных изображения змеи. Подобного рода изделия больше нигде не встречаются.

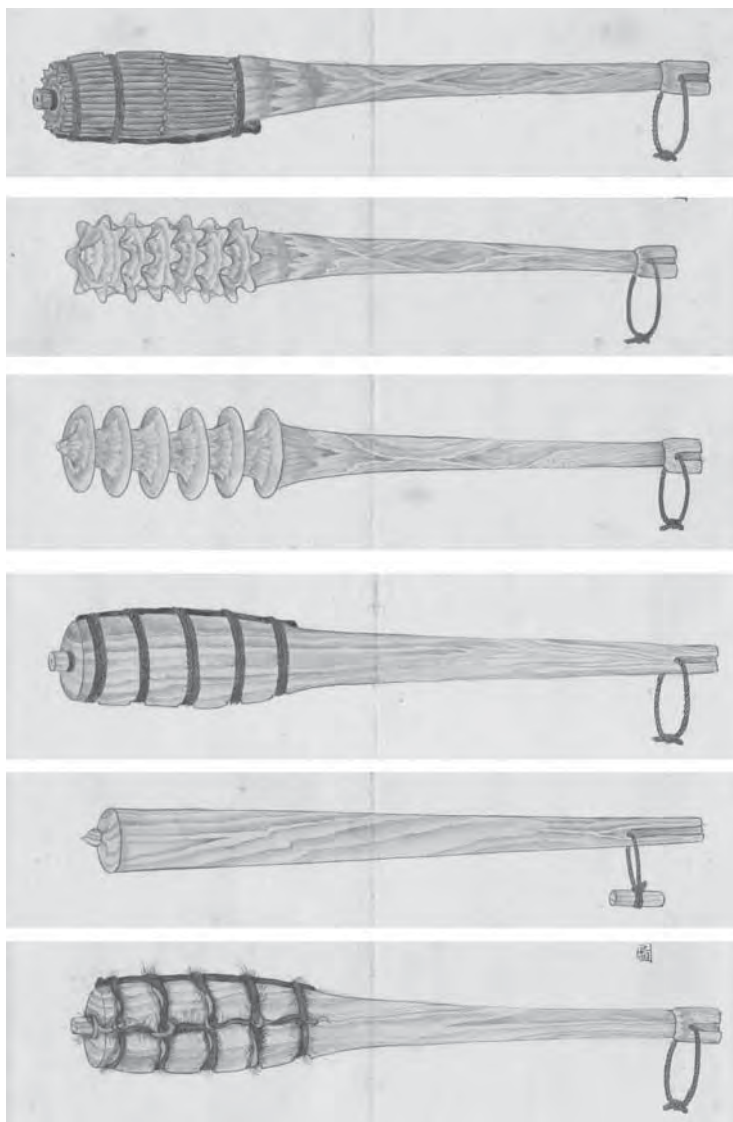

Рис. 33. Дубинки *ру-уй-суту*; *си-ай-уесь-суту*; *акам-суту*;
 2 разновидности *рарак-суту*; *кэ-п-уй-суту*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу»,
 Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ, Мамия Риндзо (1823).
 Токийский государственный университет

«бугорок», *ай* — «колоть, причиняя боль», *усь* — «есть». Словом, это «дубинка, на которой есть колющие бугорки». Третий вид был похож на предыдущий, но не с шестеренками, а с дисками правильной формы (айнск. *акам-суту*). В данном случае *акам* — «колесо», «диск», а *акам-суту* — «дубинка с дисками». Четвертый вид включал два подвида: дубинки с гладкой поверхностью, постепенно расширявшиеся от вершины к концу, и аналогичные изделия с привязанным утяжелением. Обе формы назывались *рарак-суту*, или «дубинки гладкие». К последнему, пятому, виду относились палицы со жгутами из шкуры морзверья, намотанными поперек и вдоль (айнск. *кэ-п-уй-суту*). Слово *кэ* означало «шкура животного», *п* — «вокруг», *уй* — «есть», целиком же название можно перевести как «дубинка, обмотанная шкурой» [Hata, Murakami, Mamiya 1823; «Хигаси эдзо ико» 2013: 131, 130].

В цитируемом источнике акцент делается на то, что палицы использовались в судебной практике для наказаний. Однако в действительности, надо полагать, назначение описанных орудий было шире, и они еще играли роль боевого оружия.

Глава о *суту* заканчивается словами, что, согласно слухам, существовало множество других дубинок, однако составитель их не видел и поэтому не упомянул [Ibid.]. С учетом данных из других

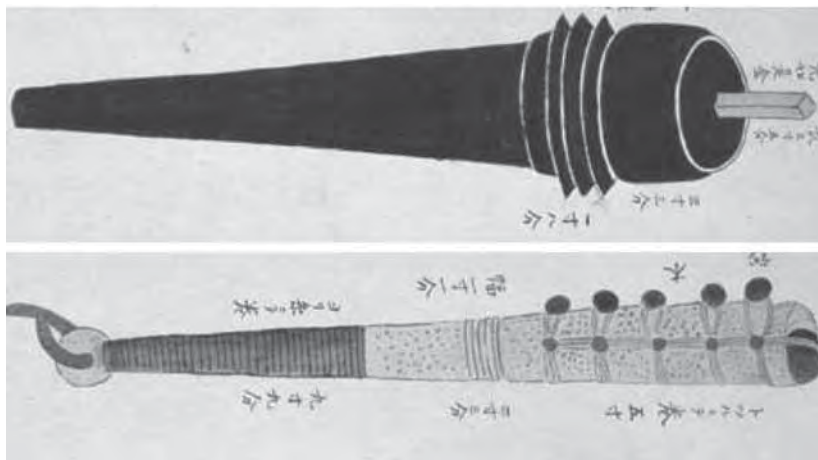

Рис. 34. Боевые дубинки *сёкинэ* (вверху) и *суту-ути* (*мэка-ути*) (внизу). «Эдзоси», Арай Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

письменных источников можно понять, что ассортимент дубинок действительно был достаточно широким.

Так, в работах Араи Хакусэки «Эдзоси» (1720) и Хаяси Сихэй «Сангоку цу:ран» (1785) изображены типы *суту*, не похожие на уже перечисленные (рис. 34). Первый назывался *сёкинэ*. Его отличиями были металлическое острие, выступавшее спереди, и ряд кольцевых выступов на ударной части. Под рисунком поясняется, что такие дубинки достигали в длину 182 см и применялись на войне для того, чтобы протыкать ступню противника. Второй тип, *суту-ути* или *мэка-ути*, представлял собой палку, обвязанную шнурами с шипообразными выступами. Подробных пояснений нет, но, судя по всему, *суту-ути* также использовались в бою [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>; Hayashi 1785 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. У Араи Хакусэки есть изображение еще одной необычной палицы с граненой ударной поверхностью и длинной рукоятью. Как отмечалось ранее, такие орудия пускали в ход при разрешении конфликтов [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Информация об их происхождении и даже названии отсутствует. Похожая дубинка встречается лишь на иллюстрациях «Эдзо кунко:ки» [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Показательны формы *сёкинэ* и *суту-ути*: у первой ударная поверхность (с копьевидным клинком) обнаруживает сходство с китайскими дубинками *ланъабан*, а у второй (с шипообразными выступами) — с японскими дубинками *канабо* (*тэцубо*). Интересно также, что на китайских *ланъабан*, кроме торцевого клинка, часто делалось множество боковых зубьев в виде волчьих клыков [Асмолов 1993: 67]. Именно такие дубинки изображены в «Эдзо кунко:ки» (рис. 35). Здесь же есть рисунки «классических» *сёкинэ* с металлическими наконечниками [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Можно предположить, что айны пользовались не только оригинальными, исконными палицами, но и оружием с элементами, заимствованными у соседних народов.

Между тем у нивхов получили распространение боевые дубинки, отличавшиеся по форме от айнских. Это *мунгче* — узкие палки с круглыми или слегка обозначенными углами, сверху донизу покрытые едва заметными надрезами в виде спирали. Л. Шренк предположил, что «палицы» нивхов возникли по образцу японского оружия [Шренк 1899: 260].

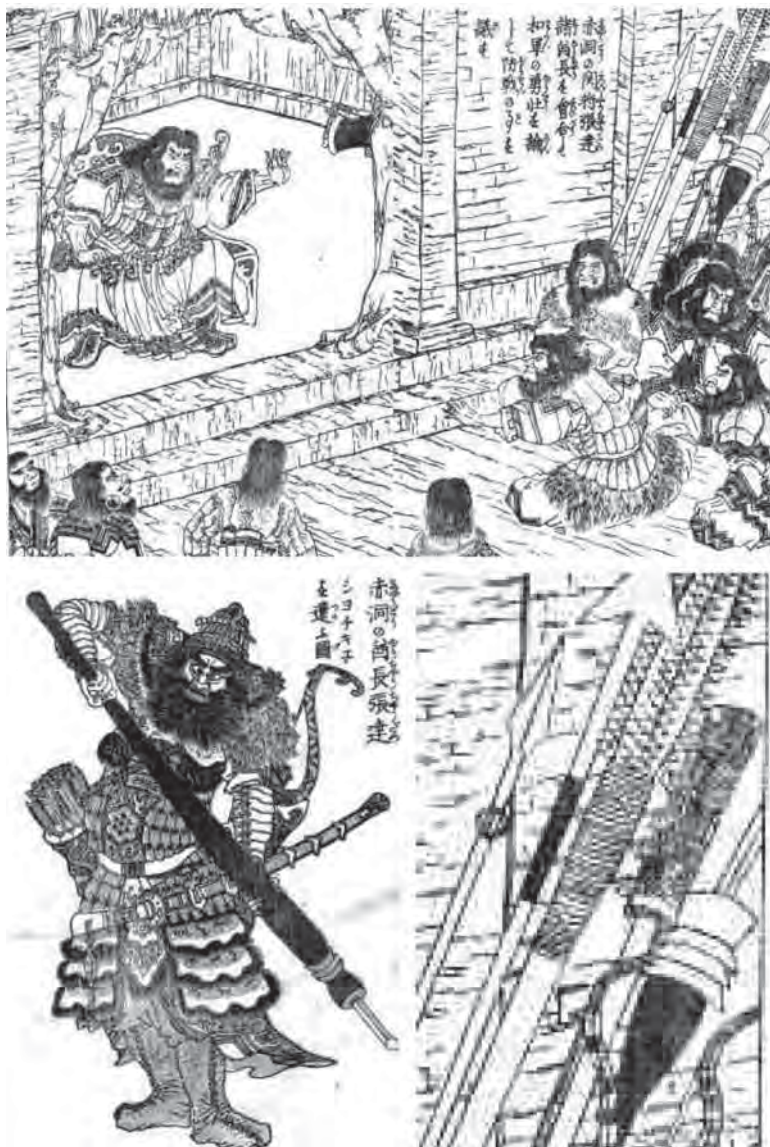

Рис. 35. Боевое вооружение айнов. Иллюстрации к повествованию
«Эдзо кунко:ки». Эйракуся Иссуй (1853).

Источник: [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Важную особенность айнских *суму* отметил Л. Я. Штернберг: их, по его мнению, совершенно не знали северные народы. Доказывая южное происхождение айнов, ученый сравнивал их с орудиями австронезийских племен, предполагая, что дубинки у айнов существуют с глубокой древности [Штернберг 1929: 344]. Действительно, в археологических памятниках культуры дзёмон нередко встречаются каменные жезлы *сэкибо* (об этом речь шла во второй главе). Так что *сэкибо* вполне могли стать прототипом *суму*, выполняя при этом двоякую функцию — ритуального предмета и эффективного оружия, как это было у полинезийцев [Кондратенко, Прокофьев 2005: 255]. Интересно, что некоторые полинезийские палицы аналогичны по форме айнским.

Свидетельства из разных источников — письменных, археологических, этнографических — дают объемное представление о хорошо развитом военном деле у айнов. Хотя профессиональное воинское сословие у них не сложилось, однако ратное мастерство находилось на высоком уровне, а защитное снаряжение и вооружение было надлежащего качества. Применение оружия в бою предусматривало как атакующие, так и защитные движения, поэтому, без сомнения, требовало сформированных умений и навыков. О соответствующей тренировочной системе подробная информация, к сожалению, не сохранилась.

Несмотря на то что многое из традиционного айнского наследия безвозвратно утрачено, дальнейшее изучение археологических и письменных источников позволит расширить знания по военной истории северных районов Японии и прилегающих территорий и более четко осознать роль, которую играли айны в средневековых войнах.